Ловушка

Автор:
Юлия Ковригина

Ловушка

Юлия Ковригина

Иногда человеку снится, что он умеет делать нечто необыкновенное: рисовать с фотографической точностью, ходить вверх ногами, разговаривать на незнакомых языках или даже летать. Просыпаясь, он с грустью понимает, что мастерство испарилось вместе с остатками сна. И, пытаясь изобразить на листе бумаги четкие контуры, совсем недавно так легко и свободно выплывающие из-под руки, получает лишь по-детски неровные линии. Волшебство исчезает, но не навсегда. Где-то в глубине нашего сознания оно оседает и ждет, когда же мы снова соединимся и дорисуем, наконец, ту чудесную картину

Юлия Ковригина

Ловушка

ГЛАВА 1

И все внезапно изменилось

Майя резко проснулась, будто вынырнула на поверхность из темной прохладной глубины. Несколько минут она спокойно лежала, не открывая глаз и лениво

придумывая окончание так грубо прерванного сна, чтобы немного оттянуть время до полного пробуждения.

Но в какой-то момент все изменилось. Что-то было не так. Она и сама не могла бы точно сказать, что, но ясно ощущала это. Глухое недовольство вибрациями разливалось от головы к ногам.

Стало холодно и неуютно. Майя неловко зашевелилась, пытаясь повыше натянуть одеяло. Однако оно странным образом уменьшилось и никак не желало растягиваться по всей длине тела. Оставив, наконец, эти бесплотные попытки, и все еще не открывая глаз, Майя снова расслабилась и прислушалась.

«Как тихо», – подумала она и тотчас поняла – именно эта гнетущая тишина и есть источник дискомфорта.

Обычно утро заполняло комнату привычными звуками: будь то движение машин, биение ветра в окно, пение птиц или звонкие голоса соседей. Они неприметно, но неотступно следовали друг за другом хороводом в течение всего дня, иногда затягиваясь и вплетаясь в вереницу ночных шорохов. Майя ни за что не определила бы это утреннее сопровождение как шум, но его отсутствие делало пространство вокруг безликим и пустым, словно вымершим.

Холод медленно и неотвратимо просачивался под одеяло. Майя расстроенно засопела и нехотя открыла глаза.

– Ох!

Прежде чем снова зажмуриться, она с минуту изумленно взирала на открывшуюся перед ней картину. Потом плотно сомкнула веки и замерла, словно пережидая, когда мир вокруг переменится обратно.

Когда Майя нашла в себе силы вновь открыть глаза и осмотреться, то обнаружила все ту же обстановку – она лежала в кровати посреди незнакомого помещения с низким белым потолком и матово-серыми стенами. Никаких других предметов в комнате не было.

– Это все еще сон? – Майя села и огляделась, от удивления заговорив сама с собой. – Быть такого не может, – Руки неосознанно подтянулись к горлу и обхватили его. – Я сплю. Точно.

Скомканное одеяло упало на пол, но Майя даже не подумала его подобрать. Нервная полуулыбка медленно расползалась по ее лицу, вкупе с испуганным выражением глаз придавая девушке все более затравленный вид. Она больше не шевелилась, точно боялась любым неосторожным движением запустить какой-нибудь хитроумный механизм, захлопывающий эту странную мышеловку – так Майя в первый же момент окрестила комнату.

Майя вновь попыталась убедить себя, что она еще спит. Это место никак не могло существовать на самом деле. Но после третьего, довольно болезненного щипка девушка перестала надеяться проснуться. Недоумение неотвратимо сменялось безотчетным страхом. Он накатывал широкими волнами, поднимаясь все выше и выше к горлу, вызывая тошноту. Майя часто задышала, пытаясь успокоиться и мыслить логически.

«Где я? Куда исчезла моя комната», – сразу захотелось улыбнуться, настолько театрально звучали эти вопросы.

Все казалось слишком надуманным, искусственным. И чувствовала она себя под стать – маленькой марионеткой, случайно заброшенной не в ту корзину.

«Так! Нужно успокоиться и попытаться понять, где я нахожусь, – Майя стремилась, во что бы то ни стало взять себя в руки и не поддаваться панике. – Всему этому наверняка есть простое объяснение. И очень скоро я его найду».

Через некоторое время сумбур в голове постепенно улегся, и мысли четко выстроились в ряд, как солдатики. Теперь Майя окончательно проснулась и решила действовать. Не может же она сидеть здесь вечно.

Девушка осторожно опустила ноги с кровати и легко коснулась пола.

Майя и сама не знала, чего боялась, ведь комната выглядела абсолютно пустой. Нет, не пустой – затаившейся. И любое действие нагнетало ощущение опасности, все казалось недружелюбным и угрожающим.

Пол не поглотил ее. Майя спокойно встала на ноги и сделала несколько нетвердых шагов вперед.

«Замечательно! И что же мне теперь делать? Куда идти?» – она огляделась вокруг, понимая, что ни дверей, ни окон в комнате нет – сплошные стены.

Майя подошла к одной из них и аккуратно дотронулась до ровной поверхности. Стена оказалась гладкой и очень холодной. Она была выложена из широких плоских плит, плотно прилегающих друг к другу. Пальцы оставляли на ней легкий отпечаток, который, впрочем, исчезал спустя пару секунд. Майя отдернула руку и быстро осмотрела ее – ничего.

Несмотря на отсутствие проемов и видимых ламп, в комнате было светло. Казалось, свечение исходило от всей поверхности потолка и заполняло собой пространство. Майя с интересом изучила его, даже дотронулась до низких сводов, встав на кровать. Он, как и стены, был холодным и гладким.

Быстро обойти и прощупать комнату не составило труда. Майя убедилась – отсюда нет выхода. Открытие почему-то ничуть не удивило ее. Подсознательно, она сразу это поняла.

Стало грустно, потом страшно. Майя громко закричала: «Ау! Меня кто-нибудь слышит?»

Голос глухо ударился о стены и замер, не оставив эха. Майя сделала еще несколько попыток, но ей никто не ответил. Тогда она начала вновь осматривать плиты и стучаться о них кулаками до тех пор, пока костяшки пальцев не заболели. Ответом оставалась все та же тишина.

В гневе Майя пнула стену ногой. От неожиданной резкой боли на глазах выступили слезы, но зато это помогло собраться и немного успокоиться.

«Отсюда должен быть выход. Наверняка, эти плиты закрывают проход, только как же они отодвигаются?»

Ни одна плита не поддавалась. Стены по-прежнему хранили свои секреты.

Майя широкими кругами шагала по комнате.

«Что же делать! Ничего не понимаю!»

Она ясно помнила, как вечером ложилась спать в свою теплую уютную постель. Или это было не вчера, в голове все совсем перепуталось. И все же, почему сейчас она здесь. Кто или что перенесло ее в эту странную комнату без окон и дверей. А главное, для чего? Пока у нее не было ответа ни на один из вопросов.

«Вдруг я никогда не смогу выбраться отсюда! – мелькнула пугающая мысль. – Наверное, сейчас остается только ждать. Должно же что-нибудь измениться. По крайней мере, остается надеяться на это. Главное – постараться не думать о плохом. А о чем тогда думать»!?

Обреченность мягко легла на плечи, укутала голову и руки. Мир, со всеми его живыми красками показался вдруг далеким и чужим, словно его никогда и не существовало, а она просто все придумала.

Минуты почти осязаемо протекали сквозь комнату, мучительно медленно, настойчиво, бесконечно. Майя сидела и наблюдала за ними, сначала небрежно пересчитывая, потом просто провожая в небытие.

Ей вдруг стало очень спокойно, даже безразлично.

«Интересно, долго мне здесь сидеть?» – лениво подумала Майя, снова устраиваясь на кровати.

Для того, чтобы отвлечься, она начала размышлять о мелочах: какая сегодня будет погода, может быть, пойдет дождь. Тогда, интересно, сможет ли она услышать стук его капель.

«Зато здесь мне точно не понадобится зонтик. Хотя, кто знает», – и Майя с любопытством посмотрела наверх, словно гадая, высока ли вероятность дождя в этой странной келье.

Какое-то время спустя, ей показалось, что в комнате стало теплее. Спрыгнув с кровати, Майя подошла к стене и дотронулась до нее – поверхность слегка

нагрелась.

«Повезло мне – есть даже собственное отопление, – едко подумала она, – на ночь, наверное, отключают».

– Эй! Меня кто-нибудь слышит? – снова крикнула Майя в пустоту.

Бесполезно. Она мягко осела вниз, взгляд бесцельно бродил по комнате, нигде подолгу не задерживаясь.

Тут ее внимание привлек небольшой предмет, лежащий глубоко под кроватью. Он, как третий пленник комнаты, включая кровать, закрывал получившийся треугольник. Это оказалась книга. Жемчужно-серая обложка практически сливалась с полом.

Майе одновременно хотелось, как подобрать книгу, так и забыть о ее существовании. Все здесь пугало, даже это, на первый взгляд безобидное, скопление бумаги. Однако любопытство, долго боровшееся со здравым смыслом, победило.

Майя всегда испытывала слабость к книгам и, несмотря на свои опасения, не могла позволить одной из них пылиться под кроватью.

Девушка осторожно заползла в узкое пространство между кроватью и полом и достала книгу. Она оказалась неожиданно тяжелой для своих размеров, пришлось тянуть обеими руками.

Вытащив книгу и положив ее на край кровати, Майя стала осторожно рассматривать свою находку. Здесь, в этой аскетичной обстановке она выглядела довольно внушительно, но никак не чужеродно, и отлично соответствовала таинственной напряженной атмосфере комнаты. Подобное к подобному. Добротный переплет, сделанный по старинке, а Майя хорошо в этом разбиралась, плотные лощеные листы высокосортной бумаги, и вместе с тем, довольно скромное оформление обложки – никаких золотых обрезов, кожи и подобной чепухи, но также ни имени автора, ни названия – все говорило о том, что книга была сделана давно и, скорее всего, для собственного удовольствия.

На форзаце карандашом кто-то аккуратно вывел: «Иногда достаточно просто захотеть и чудо случится».

Майя хмыкнула, решив, что на ее долю чудес хватает даже с излишком. Однако времени у нее, скорее всего, было предостаточно, поэтому она, решившись, наконец, аккуратно раскрыла книгу и погрузилась в чтение.

ГЛАВА 2

Где-то далеко за туманом я все-таки существую

Старый город мирно спал в мутновато-серых предрассветных сумерках. Ничто не нарушало тишины. На всем лежала печать покоя. В заброшенных коридорах величественных зданий гулял только ветер. Но даже он не шагал, а скорее осторожно крался, словно боясь кого-нибудь разбудить.

Пустые улицы, по-осеннему мрачные дома, оголенные деревья – все застыло в ожидании чего-то: то ли начала, то ли конца. Казалось, вот-вот из-за горизонта появится солнце и осветит все вокруг, но оно уже очень давно не навещало здешние места, лишь изредка показываясь на самом краю горизонта, чтобы, грустно улыбнувшись, снова скрыться вдали.

Старая сухая листва намокла и бурым ворохом лежала на черном покрывале аллей. Темные деревянные лавки выстроились вдоль дорог. Они словно приглашали отдохнуть несуществующих прохожих. Но, даже если кто-то и мог появиться в этот ранний час на улице, вряд ли он бы захотел остановиться и воспользоваться их гостеприимством – осенний холод надежно укоренился здесь и не собирался уходить.

Но все же и в этой обители безмолвия, можно было натолкнуться на нечто необыкновенное и даже чудесное.

Неизбывный глубокий покой и глухая тишина этих мест иногда беспардонно нарушались резким неожиданным шумом природной стихии: потрескиванием, шорохами и шелестом. И если в помещениях ветер себя сдерживал, то здесь, не стесняясь, проявлял всю имеющуюся у него силу – сухие ветки, листья, мелкие камешки, дорожная пыль дружно кружились по тротуарам в диковинном танце. Они резвым хороводом проносились вдоль улиц, оставляя в округе заметные следы своего пребывания.

Вот и сейчас мокрая листва последовательно разбрасывалась живописными кучками вокруг одинокой скамьи мощными потоками воздуха, захватившего в плен также близлежащие деревья и кусты. Это была безумная, дикая и определенно веселая пляска.

Но вот что-то изменилось. Ветер резко стих, притаился, словно пойманный с поличным расшалившийся ребенок. Ветви деревьев замерли в скрюченных позах, будто напряженно вслушиваясь в установившуюся тишину, ожидая.

Массивная дубовая дверь старинного здания, находящегося в центре улицы, стала медленно и тяжело отворяться. Резкий неприятный скрип разнесся по окрестностям. Ржавые железные петли просели и никак не хотели поддаваться. Но сила, толкавшая изнутри, была им неподвластна. Скоро скрежет прекратился. Дверь наполовину открылась. На косяк легли тонкие длинные пальцы, и на улицу вышел единственный житель старого города.

Он выглядел немного неуместно, даже нелепо среди мрачного величия этого места. Слишком мягкое, доверчивое выражение лица, и несколько рассеянная хаотичность движений резко контрастировала с окружающим его холодным экстерьером улиц и домов.

Вообще-то этого человека с легкостью можно было бы принять как за школьного учителя, так и за вечного студента – плотный коричневый костюм, круглые очки в роговой оправе и широкий шерстяной шарф теплого горчичного цвета. Только ботинки не вписывались в общую картину – слишком большие, поэтому грубые шнурки крест-накрест обвязывали щиколотку, чтобы они не сваливались при ходьбе. Как же они мешали ему, кто бы знал! Но другой обуви у него не было.

Придирчиво осмотрев окрестности, он притворно нахмурился и погрозил кулаком ветру, затаившемуся в деревьях.

– Ты совсем распоясался. Разве не слышал, у нас гости. Гость! – повторил он и сам удивился, как странно и чужеродно прозвучало это слово. Затем замолчал ненадолго, как бы перекатывая, пробуя его на языке, но вскоре снова вернулся к утраченной было теме разговора – разносу. – А ты опять играешься… мусор, пыль, – человек скривился и сделал еще несколько шагов. – Убери все, слышишь? А потом, чтоб я тебя не видел. Как малое дитя, право слово!

Ветер зашумел и осторожно принялся сгонять свои игрушки в одну кучу.

А человек тем временем повернулся и пошел обратно, неуклюже шаркая своими огромными ботинками.

Он был очень взволнован.

«Прошло так много времени! И вот теперь все обязательно изменится, нужно только еще немного подождать. Но что если…»

Внезапно остановившись, он резко развернулся и двинулся в обратную сторону, уже не замечая кружащихся вокруг листьев.

Человек шел вдоль длинных пустых улиц, безразлично оглядывая стройные ряды призрачных от утреннего тумана домов. Сколько раз он проделывал этот маршрут, ожидая чего-то, надеясь; но все оставалось неизменным – молчаливым, чужим, навеки уснувшим.

Через некоторое время он свернул в узкий переулок. В его глубине в отдалении от остальных строений стоял небольшой приземистый домик. Он сильно отличался от соседей: зеленая черепица крыши напоминала о сочной летней траве, строгие кирпичные стены, выкрашенные белой краской, практически светились в утреннем тумане, ярко-желтые занавески на окнах придавали фасаду праздничный вид, а завершала картину необъяснимая, учитывая погоду, теплая атмосфера вокруг. Весь облик его говорил, нет, кричал о том, что дом такой же пришелец здесь, как и стоящий рядом одинокий житель странного города.

Человек замер посреди улицы, невольно поддаваясь гипнотическому воздействию этого места. Оказываясь здесь, он будто переносился далеко-далеко отсюда, туда, куда, по-видимому, никогда не попадет – домой. Там

светит солнце, там растут цветы и там его, наверное, уже не ждут.

Когда ему становилось слишком тяжело, он приходил на это место и размышлял. Проходили минуты, иногда часы и постепенно, накопленная горечь уходила, оставляя его пусть и ненадолго в состоянии покоя. Обрести волю он уже не надеялся, привык довольствоваться жалкими крохами, радоваться им. Когда живешь в подобном месте, учишься ценить любое проявление тепла и участия.

Он не переставал счастливо удивляться, как же так получилось, что этот кусочек его утерянного мира переместился сюда вместе с ним и теперь жил здесь своей загадочной жизнью. Правда, радость была бы полной, если бы не одно «но» – дом всегда был закрыт, зайти внутрь оказалось невозможно.

И вот теперь у человека мелькнула слабая искра надежды: может быть, сегодня дом откроет ему свои двери.

Нехотя очнувшись от грез, он подошел к широкой каменной лестнице и неторопливо поднялся по потертым ступенькам. Перед парадной дверью помедлил в нерешительности, потом собрался с духом и зачем-то постучал. Ничего. Тогда, он осторожно, как делал не один раз до этого, повернул ручку. Заперто. Дом по-прежнему не впускал его.

Он был огорчен, сильно огорчен. Снова ничего не получилось.

«Как же так! Я опять ошибся, – приподнятое с утра настроение стремительно ухудшалось, пульс замедлился, взгляд потух. – Значит, гость появится не отсюда. Где же мне его искать?».

Человек, сгорбившись, шел назад, обратно в свою высокую башню. Он двигался тяжело и медленно, словно, не замечая ничего вокруг.

Ветер, торопливо метавшийся между деревьями, увидев его, замер в ожидании новой взбучки. Человек прошел мимо, погруженный в свои невеселые мысли, даже не повернув головы. Какое ему дело до мусора, если он опять потерпел поражение. Точнее сказать, не опять, а как всегда – принял желаемое за действительное.

Едва он переступил порог, как тяжелые двери сами собой стали закрываться, снова вызывая ужасающий скрежет. Нетерпеливо подпрыгнув, человек обернулся и замахал руками, призывая остановиться и не шуметь. Двери послушно замерли на полпути. Он почти одобрительно фыркнул, потом на удивление быстро пересек широкий холл и стал подниматься по бесчисленным узким ступеням, терявшимся в темной вышине каменных сводов. Ну и что, что леденящий холод проникнет сюда через открытые ворота, все равно здесь и так не сильно теплее, чем на улице.

Проходя по длинному коридору между башнями, он не удержался и посмотрел вниз на свой город. Взгляду открывался довольно унылый пейзаж, в котором преобладали лишь серые и коричневые тона. Небо снова закрылось мрачными, полными ледяной водой тучами, а на линии горизонта по-прежнему лежал густой туман.

И все-таки начался новый день. Хотя отличить утро от вечера было практически неразрешимой задачей – постоянный сумрак, лишь изредка осветляющий и разряжающий свои полутона, лишал возможности разобраться в этом вопросе.

Но, несмотря на серую хмарь, человек все равно знал, что наступило утро. За долгие годы он научился различать такие нюансы. Утро имело свой особый аромат – свежий, побуждающий к действию, а редкие розоватые всполохи на горизонте, словно размытые, разбавленные до предела неумелым художником, казались ему невообразимо яркими и прекрасными.

Вечер был другим – с более тяжелым, сырым воздухом, с клубящимися возле ног дымными клочками вечного тумана, слегка отдававшего запахом мокрой древесины и лежалой травы. Белесая густая дымка присутствовала, конечно, и в начале дня, но то скорее было легкое касание позднего осеннего духа, незначительные остатки богатого ночного пиршества, быстро растворяющиеся к полудню. Вечером же, она не стеснялась плотно окутывать улицы своей паутиной, сплетая в густой черноте замысловатые призрачные лабиринты. Это могло бы показаться романтичным, даже красивым, если бы не жесткий холод, пробирающий до костей, и не такое же нескончаемое, беспросветное, леденящее душу одиночество.

Человек стоял и смотрел на ровный рисунок городских улиц, теряющихся за темными крышами домов. Все здесь было мрачным. Сегодня даже вид нежной золотистой полоски у горизонта не спасал от тоски. Только беззаботный ветер

почти весело делал свою уборку, сгребая мокрую листву в опрятные кучки по краям дороги.

Человек громко вздохнул, представив, каким этот город, должно быть, был раньше. Но перед глазами почему-то возникал не сам город, а лишь его изображения – красочные мозаичные картинки. Они яркой вспышкой промелькнули в сознании и погасли, оставив после ощущения потери. Он закрыл глаза и постарался снова вызвать их перед собой.

Вот городская площадь, заполненная разношёрстой яркой толпой, громко смеющейся, а то и переругивающейся в ожидании чего-то значительного, например, представления заезжих артистов; солнце высоко стоит над горизонтом, освещая буйную зелень молодых пушистых деревьев, горделиво возвышающихся по краям аллей, и праздничную россыпь цветов, фигурно высаженных на клумбах вдоль домов или просто разбросанных отдельными мазками в густой летней траве; хор голосов, сливающихся в одну большую волну, разносится далеко вокруг, ему вторят другие звуки: где-то кричит петух, плачет ребенок, лают собаки – и все они вплетаются в общую картину, заполняя собой белые пятна, позволяя ей стать по-настоящему живой, такой, в которую можно захотеть окунуться вместе с головой, как ныряют в освежающий прохладный ручей после утомительного жаркого дня.

Ему вдруг стало нестерпимо грустно и одиноко, как в самом начале. Он распахнул решетчатое окно и позволил холодному воздуху ворваться внутрь помещения, постоял еще несколько минут, почти не чувствуя обжигающего холода, и пошел дальше.

Благородные лица, полные спокойствия и скуки смотрели ему вслед немигающими восковыми взглядами со старых картин, украшающих некогда роскошную галерею. А он неторопливо шел, немного загребая своими большими грубыми ботинками, покачиваясь, словно во сне, и вспоминал.

ГЛАВА 3

Когда-то и мы все умели летать

Солнце медленно скрывалось за горизонтом. На маленький городок ложился тихий летний вечер. Он укутал своей легкой вуалью улицы и дома, проник в каждый уголок уютных палисадников и, наконец, растворился в теплом летнем воздухе. Все вокруг готовилось ко сну. Аккуратные сельские домики с плотно задернутыми занавесками, выстроились стройными рядами и загадочно белели в надвигающихся сумерках. В некоторых окнах все ещё пробивался неяркий, приглушенный материей, свет. Но очень скоро погасли и последние огоньки, город поглотила тьма.

Ночь мирно шествовала по городу. Ничто не нарушало установившейся тишины. Все шло словно по старому порядку, заведенному кем-то еще в незапамятные времена. И жители города, покинув на время свои бренные тела, заботливо укрытые пушистыми одеялами или домоткаными пледами, уплыли в волшебное царство Морфея, отложив до утра тяжёлые житейские заботы и тревоги.

Но если бы в этот час на улице с красивым говорящим названием «Солнечная аллея» оказался случайный прохожий, он заметил бы странную картину: в темноте окна второго этажа одного из домов четко вырисовывалась белая призрачная фигурка. Она неподвижно застыла там наверху, и казалось, будто парившей в густом мраке. Очень необычное и завораживающее зрелище, которое без сомнения могло бы испугать любого, даже самого бесстрашного человека. Но ее так никто и не увидел, потому что людей на улице в это время, конечно же, не было.

На самом деле там наверху возле раскрытого окна стояла обыкновенная маленькая девочка. Она неотрывно наблюдала за неизбежным наступлением ночи – от угасания последних лучей солнца до окончательного падения плотной черной завесы.

Когда окружающие предметы совсем скрылись с глаз, она тихонько вздохнула, но позы не поменяла. Маленькими холодными ладонями, девочка опиралась на низкий деревянный подоконник, почти наполовину высунувшись наружу. Она ждала, когда на небе появятся как можно больше звезд. Это было самое любимое, самое счастливое время – время, посвященное созерцанию бескрайней вселенной в такой оглушающей тишине, что казалось, мир тоже растворился и

исчез во мраке, а остались только прекрасные вибрирующие огни, зовущие ее вдаль за собой.

Дина – так звали девочку, уже довольно давно стояла и смотрела вокруг сквозь медленно наползающую темноту, размышляя о своей жизни. Все, что она видела перед собой, казалось сейчас таким незначительным по сравнению с разгорающимся небом. Но все же, необъяснимая нежность просыпалась в душе каждый раз при мыслях об этом небольшом кусочке суши, со всех сторон огороженном морем от остального мира – ее земле, ее доме.

Вдали от больших городов, будто на самом краю света, ничто не мешало небу разливаться от края до края. Широкие пустоши и бесконечное синее море отделяло несколько сотен домов от окружающего мира. Стоило только захотеть, как сразу же представлялось, что все, о чем пишут в книгах и газетах лишь пустой вымысел.

Хотя сюда часто приезжали любители отдохнуть от городской суеты, и недостатка в новостях из внешнего мира жители не испытывали, время здесь текло с ленивым спокойствием, но не останавливаясь ни на мгновенье, чтобы осмотреться, оглянуться назад или задуматься.

Редкие машины старались наполнить собой дороги и соперничали с конными повозками, степенно двигавшимися между старинными, по-сельски добротными постройками.

Когда колокольня в положенный срок оповещала жителей о необходимости духовного просвещения, они, хотя и без особого энтузиазма, заполняли ряды длинных скамеек, готовясь отдать должное рвению святого отца. Мэр города важной гордой поступью шествовал на самое высокое место и тихо сопел всю проповедь, справедливо полагая, что большего от него и не требуется. Когда после службы местные бедняки выстраивались рядами около церкви, он чинно одаривал каждого мелкой монетой, бросая ее в кружку с лицом истинного праведника, подающего пример окружающим. Потом под одобрительный шепот садился в свой блестящий автомобиль и уезжал обедать, оставляя за собой пыльный след.

Город постоянно двигался, но в его движении было нечто такое, что удивляло, но еще чаще расстраивало Дину. Люди куда-то бежали, суетились, ругались,

смеялись или плакали, но в глубине их глаз, различных по форме, цвету и настроению, частенько таилось одинаково схожие выражения – от холодной безучастности и отстраненности до ничем не прикрытого неудовольствия.

Враждебность и безразличие, как молчаливое признание собственной никчемности, а затем и абсолютной нелепости существования, выступали иногда столько явственно, что становилось не по себе. Радость жизни, истинная и ничем незамутненная, казалось, была окончательно утеряна некоторыми из этих без сомнения достойных и правильных людей. И редкие попытки кого-нибудь с еще не потухшим сердцем вернуть ее натыкались на стену непонимания или даже порицания. Ничто так не губит зарождающееся прекрасное чувство, как равнодушие. Оно оплетает, словно паутина, лишает света, душит. А после остается лишь полузабытое намерение – пустая оболочка с высушенной сердцевиной и горькое разочарование. И эта утрата не может не оставить свой след в неопытной душе. Еще ничем незаполненная, беззащитная перед грубыми нападками, она тихо сжимается, прогибается и вянет, подобно брошенному на дороге цветку, чтобы потом со временем превратиться в жухлый сорняк, лишенный возможности вырасти заново. Но, к счастью, всегда случаются исключения.

«Как же может не вдохновлять такая чудесная жизнь», – думала маленькая Дина, сидя в комнате и разрисовывая альбом, а заодно руки, стол и игрушки яркими картинками.

Этот процесс доставлял ей огромное удовольствие: видеть, как играют цвета на предметах, как на простом коричневом столе распускаются огромные желтые цветы, а по рукам текут небесно-голубые ручейки неведомых горных рек. Взрослые ругали ее. Она тщательно мыла руки, очищала стол, а в следующий раз все повторялось снова.

Каждый день было так много поводов для радости. Но сегодня была особенная августовская ночь – сегодня обещали звездопад. Дедушка обещал, а ему девочка доверяла абсолютно во всем.

Папа называл дедушку старым чудаком, и от этого девочка любила его еще больше. Ей казалось, что само слово «чудак» заключает в себе волшебное, восхитительное, свойственное одному лишь ему умение, то, которое она так редко встречала у окружающих – любить жизнь.

Любовь, как волшебная фея, нашла себе теплое уютное убежище в маленьком дедушкином домике, в котором все, начиная от ярко-желтых занавесок до цветастых придверных ковриков, существовало по своим собственным законам, ничем, однако, не нарушая всеобщей гармонии.

Дедушка был сказочником, при этом он и сам мечтал жить в своих сказках. К сожалению, папа, никогда в них не веривший, не сумел заметить даже крупицы волшебства. А вот Дина смогла. Часто она вместе с дедом сидела в саду под огромным дубом и слушала очередную историю. Небольшой альбом, который девочка везде носила с собой, постепенно покрывался новыми рисунками. И к концу рассказа все герои нетерпеливо выглядывали с его листов наружу, не решаясь, однако, преодолеть невидимых бумажных границ. Дома она аккуратно раскрашивала их и складывала в свою большую папку на ленточках. Рисунков было так много, что папка уже давно не закрывалась, а аккуратно перевязывалась ленточками крест-накрест.

Вот и сейчас, в ночной тишине Дина размышляла о новой сказке дедушки. В ней он описывал чудесный город, в котором все были счастливы. У мам никогда не болела голова, а папы любили играть со своими детьми в веселые игры; бабушки и дедушки ласково и умиротворенно наблюдали за окружающими; никто никого не обижал, в общем, везде царили порядок и покой.

Правда, недалеко от города жил огромный дракон, но он всего лишь охранял свои несметные сокровища. Многие войны пытались сразиться с ним и забрать его богатство, поэтому иногда ему приходилось выползать из своей пещеры, отпугивая их. Увидев чудовище, люди и вправду разбегались кто куда, теряя всякое желание подходить ближе. Но на самом деле то был мирный дракон, любивший спокойно спать в тишине каменных сводов, и мечтавший однажды бросить все и улететь далеко-далеко. Он просто ждал кого-нибудь, кто бы не испугался его, чтобы подарить этому человеку свои богатства.

– Дедушка, как бы я хотела жить в твоем чудесном городе, – сказала Дина, в первый раз услышав эту историю. – Наверное, нам было бы там очень весело. Я уже все-все придумала: и наш дом, и сад. А еще мне бы хотелось, чтобы там был дворец – большой и красивый, как в старинных легендах. Я бы прогулялась по его просторным залам, нашла сокровища, спрятанные в глубоких подвалах, а потом забралась бы на самую высокую башню и долго-долго смотрела бы в небо. Впрочем, это же сказка, значит, можно придумать себе крылья? Да! Тогда я бы забиралась на самую высокую башню, расправляла бы свои белоснежные крылья

и улетала к самому горизонту… А еще мне бы очень хотелось подружиться с драконом. Интересно, какие сокровища он прячет в своей пещере? А вдруг там есть волшебная лампа, исполняющая желания.

Дедушка смеялся, ласково гладил Дину по головке и обещал, что обязательно все подробно опишет в своей новой сказке, только ему нужно собрать побольше иллюстраций, так что без ее помощи он не справится.

– Конечно, я помогу тебе! У меня уже есть несколько набросков, но я хочу сначала прочитать всю сказку целиком, – Дина закрыла глаза и подставила лицо нежному утреннему солнцу. – Когда я вырасту, и у меня появится свой дом, в нем обязательно будет большая просторная комната для книг…

– Библиотека, – подсказал дедушка.

– Да, библиотека. И знаешь, что, – с улыбкой закончила Дина, – отдельный шкаф я выделю только под твои истории!

– Как это приятно, – растроганно произнес дедушка. – Мне бы очень хотелось когда-нибудь увидеть твой дом.

– Ты обязательно увидишь его! Как же может быть иначе, – Дина удивленно посмотрела на деда, а затем задумчиво почесала затылок. – Эх, все-таки была бы у меня волшебная лампа! Тогда я бы не стала ждать, пока вырасту, и все твои сказки, оправленные в красивые кожаные обложки с золотым тиснением, уже хранились бы в моем шкафу.

– А знаешь, моя маленькая проказница, что завтра будет самая настоящая волшебная ночь, когда все звезды устроят себе праздник и будут танцевать в небе. Иногда некоторые так развеселятся, что могут даже упасть. Так вот, если ты увидишь, как падает звезда, срочно загадывай самое сокровенное желание, оно обязательно сбудется. И не нужно будет никакой волшебной лампы.

И вот теперь Дина нетерпеливо ждала, когда же начнется праздник. Свое желание она уже давно держала наготове.

ГЛАВА 4

Прошлое тихо стоит за спиной

В доме было тихо и темно. Только в одной комнате слабо теплилась маленькая свечка в старинном позолоченном подсвечнике. Он стоял на круглом резном столике, освещая лишь маленький кусочек пространства. Из мрака проступало огромное бархатное кресло. Оно словно висело в воздухе, испуская вокруг себя слабое потустороннее свечение.

В кресле, укутавшись в пуховую шаль, сидела пожилая женщина. Она, казалось, спала. Но это ощущение было обманчиво, так как пальцы ее непрестанно шевелились, выбивая на деревянном подлокотнике ритм старинного вальса; а ноги слегка пританцовывали навстречу невидимому партнеру. На лице женщины было написало тихое блаженство – она перенеслась в своих мечтах так далеко, наверное, в то время, когда была безмятежно счастлива. На пышных с частой проседью волосах, забранных в высокую, почти торжественную прическу, играли блики от свечи, делая их, то золотистыми, то красновато-бурыми; и, слившаяся с ними шаль, создавала ощущение мягкой пены, обрамлявшей профиль.

За окном медленно начал накрапывать дождь, превращаясь из игривых струек в мощный поток. Руки женщины перестали задавать ритм; она начала засыпать под эту новую мелодию, заполнившую собой комнату. В приоткрытые окна залетали брызги, и ночная прохлада вкупе с сыростью полновластно заняла пространство.

Резкий звук проезжающего автомобиля грубо ворвался в комнату. Женщина беспокойно заворочалась во сне, а затем, резко открыв глаза, потянулась. Свеча почти догорела, так что комната освещалась очень слабо. А ночь уже вступила в свои права. Холод неумолимо забирался под одежду. Нехотя приподнявшись, и плотнее запахнув шаль на груди, женщина поспешила к окну и закрыла его.

Потом она подошла к выключателю и повернула рычаг. Комната озарилась слепящим светом так, что зарезало глаза. Пропала вся атмосфера волшебства,

которое поселилось здесь в эти часы. Громоздкая практичная мебель гостиной выгоняла все прекрасное, что с таким трудом удалось недавно собрать. Только маленький столик вырисовывался в этом грустном помещении, как старый друг среди незваных гостей.

Женщина улыбнулась и взглянула на часы – ей давно пора быть в постели, но сегодня такой прекрасный вечер. Она буквально переполнена воспоминаниями. Так хочется эти последние дни провести в окружении пускай и немного потрёпанных, но оттого не менее драгоценных вещей – свидетелей былого счастья.

Конечно, не все хочется помнить, ведь боль всегда сидит ближе к сердцу и ощущается острее. Женщина тяжело вздохнула и прошлась по комнате, легонько касаясь рукой милых сердцу безделушек.

«Чего бы я хотела изменить в своей жизни, если бы могла? – задумалась она. – Жестокий вопрос, с подковыркой, либо загоняющий в угол, либо заставляющий предаваться самообману. Вряд ли него можно получить достойный ответ. И все-таки, интересно попробовать…»

Ей уже хотелось гордо ответить самой себе, что нет необходимости что-либо менять, так как это будет не мудростью, а наивным безрассудством, ведь жизнь, как цельносплетеное полотно, не терпит разрывов и вставок, как вдруг у нее перед глазами четко предстало то единственное, ради чего она, не задумываясь, изменила бы своим принципам, перед чем склонила бы голову, если бы только смогла понять, что же случилось на самом деле.

«Вот она – моя заковырка, – испытывая какое-то жестокое удовлетворение, подумала женщина. – Однако можно ли пытаться изменить то, чего не понимаешь, исчезнет ли проблема от простого слова «не буду» или выйдет через другое русло»?

Наверное, она зря подняла эту тему. Сердце билось как сумасшедшее. От едва сдерживаемого волнения слегка дрожали руки. Но, видимо, настало, наконец, время дойти до конца в той истории, иначе ей не обрести желанного покоя.

Однако это так трудно, и скорее всего уже невозможно! Чем больше времени проходит, тем сложнее вернуться обратно. И к тому же, это страшно и больно.

О! Она не сомневалась, что в пути ее ждут целые галлоны боли. Поэтому пока, нельзя ли забыть обо всем, только лишь на этот вечер, позволить себе до конца насладиться одиночеством в компании с уютными тенями прошлого.

Уставившись в окно ничего не видящими глазами, женщина снова погрузилась в свой призрачный мир, позволяя увести себя еще глубже.

Воспоминания нахлынули с новой силой – так много радости и так много грусти…

Тишину прервал резкий шум. Женщина вздрогнула, потом замерла в нерешительности.

В замке заерзал ключ. Входная дверь заднего хода открылась, в дом вошли два человека – мужчина и женщина. Они негромко переговаривались между собой, не замечая никого вокруг.

Сейчас старая дама предпочла бы с ними не встречаться. Она тихонько пересекла гостиную, осторожно поднялась вверх по лестнице и юркнула в свою комнату. Дверь закрылась на два оборота, чтобы до утра ее никто не беспокоил, и все замерло в ожидании.

На первом этаже снова стало тихо. Пахло недавно погасшей свечой.

Вторая женщина прошла в гостиную и, не снимая пальто, села в то самое кресло, в котором еще недавно сидела та, что сейчас осторожно прислушивалась за дверью, потом громко позвала: «Дина, ты не спишь?»

Когда ответа не последовало, она, казалось, расслабилась, и, закрыв глаза, сильнее углубилась в кресло.

Мужчина тем временем, прошел в кухню, налил стакан воды и принес ей. Она, не спеша, с удовольствием выпила все и с благодарной улыбкой посмотрела на него. Он присел рядом и тоже закрыл глаза. Да, сегодня странный день. Им всем нужно будет хорошенько поразмыслить, чтобы найти наилучший выход из создавшейся ситуации.

– Как ты думаешь, нам сейчас ей все рассказать? – тихо спросил мужчина.

– Давай подождём до утра. Может быть, мы зря волнуемся, – женщина говорила устало. – Во всяком случае, за одну ночь ничего не изменится.

– Интересно, они обрадуются, когда узнают?

– Наверное, – женщина задумалась. – Это так неожиданно. Мы все решили, и теперь… Я даже не знаю, что делать. А ты?

– Я думаю, что вместе мы найдем выход. Завтра все обсудим. Ты же знаешь, я приму любое твое решение.

Женщина глубоко вздохнула и поднялась на ноги.

– Хорошо. Тогда пойдем спать.

– Пойдем.

Они неторопливо поднялись по лестнице, и прошли к своей комнате в другом конце коридора. Открылась и сразу же закрылась дверь.

Дом снова окутала тишина.

Пожилая дама медленно подошла к своей кровати. На расшитом шелковом покрывале сиротливо лежала книжка в потертой серой обложке. Ни имени автора, ни названия. Женщина осторожно взяла книгу в руки, губы дрогнули и дернулись в полуулыбке.

«Подумать только – моя первая книга. Как хорошо, что я нашла ее. Именно сейчас она нужна мне больше, чем когда бы то ни было».

В памяти сами собой всплыли слова: «Иногда достаточно просто захотеть и чудо случится».

Она очень хотела, даже требовала чуда. Однако…

На короткое мгновенье ее пронзила невыносимая тоска, сердце болезненно сжалось в груди и замерло, захотелось раствориться в тишине и исчезнуть. Размытые, полуистлевшие обрывки старых событий, казалось, давно ушедших в небытие, вернулись вновь и вот уже несколько дней преследовали ее, лишая драгоценного покоя. Непрошеные воспоминания, как надоедливые насекомые, метались и зудели в голове – их невозможно прогнать, но и жить с ними не хватает сил.

Зачем она вернулась сюда? Зачем вызвала этих призраков?

Она откинула одеяло и легла, глубоко зарываясь в пышные подушки, словно ища там защиты и успокоения. Через несколько минут старая женщина уже спала. И ей снился старый город.

ГЛАВА 5

Внутри, но не в безопасности

Время текло так медленно, что, казалось, совсем остановилось. Майя не знала, сколько провела взаперти. Но самое главное – сколько еще осталось сидеть в этой странной комнате, которая словно бы чувствовала ее напряжение, наблюдала за ней, изучала. Пустота была наполнена чем-то почти осязаемым, чем-то живым.

Девушка в который раз посмотрела вокруг. Книга лежала на кровати рядом с ней. Это оказалась просто сказка – милая и наивная, для маленьких детей. У Майи было ощущение, будто она раньше уже видела ее, но ей никак не удавалось вспомнить, где и когда это произошло. Девушка рассеянно листала потрепанные страницы, стремясь разобраться со своими эмоциями, отделить реальность от выдумки. Книга притягивала и одновременно отталкивала ее, поднимая в душе странную смесь из интереса и настороженности. Майя окончательно запуталась и устала, поэтому решительно закрыла и отложила книгу. Сейчас не время для подобных загадок. Девушку гораздо больше

волновала собственная сказка, которую никак нельзя было назвать детской или милой.

Майе никогда не нравились страшные истории. Она любила веселые рассказы с четкими и простыми сюжетами, ничего таинственного и необъяснимого. Поэтому, сейчас ей были совсем не интересны перипетии сюжета, только бы все поскорее закончилось.

Неловко съежившись в углу кровати, она размышляла, что еще можно предпринять. Ноги затекли, но шевелиться все равно не хотелось. Будто любое, даже самое осторожное движение может привести в действие скрытые механизмы комнаты.

Тишина невидимым покровом висела над головой, путала мысли. Оказывается, свободно размышлять в абсолютном вакууме не так-то просто. Каждый шорох тела и неловкое движение болезненно отзывалось в ушах. Майя боялась, что скоро услышит бег собственной крови. Напряженные до предела нервы маячками улавливали из воздуха тревогу, непрестанно выдыхаемую легкими наружу.

«Интересно, а кормить меня будут? – решив немного отвлечься на насущные проблемы, подумала Майя. – И вообще, могли хотя бы ночной горшок принести».

Желудок сразу же громко заурчал, напомнив про естественные потребности организма.

Да, похоже, эти размышления тоже не добавляют радости и спокойствия. Но девушка в который раз заставила себя не паниковать раньше времени. Тщательно проанализировав свои ощущения, она пришла к выводу, что пока ничего конкретного ей не требуется. Даже голод оказался каким-то поверхностным, иллюзорным.

«Это все нервы, – усмехнувшись, вспомнив любимое папино выражение, подумала Майя. – Еще немного и мне придется опустошить все запасы валерьянки в доме, когда я выберусь отсюда. Если смогу, конечно».

Комната давила не нее, заставляла чувствовать себя беспомощной и жалкой.

«Ну почему, – подумала Майя, судорожно сглотнув и мысленно отодвигая подступившую к горлу тошноту. – Почему обязательно нужно было запереть меня здесь – в этом склепе без единого окна»!

Майя с детства боялась замкнутых пространств.

Однажды во время игры в прятки она случайно заперлась в старом бельевом шкафу на чердаке. Задвижка опустилась и ее заклинило. Когда отчаянно рыдающую испуганную девочку нашли и освободили, она призналась, что сначала все было очень весело, до тех пор, пока ей не пришло в голову выйти наружу. И вот тогда, почувствовав себя пойманной в ловушку, Майя впервые испытала подлинный леденящий душу ужас. Он сковал ее, лишил способности думать и превратил в слабое мечущееся в темноте существо, желающее лишь одного – поскорее выбраться из душного плена. Она до сих пор с содроганием вспоминала те мгновения паники и страха, лихорадочные движения собственных рук и ног, казавшихся чужими, свое громкое свистящее дыхание и черную пустоту вокруг, такую живую, плотную, угрожающую.

С того времени Майя старалась как можно реже бывать там, где стены, грозно смыкаясь над головой, стремятся отобрать у человека спасительную свободу, даже лифтом в одиночку старалась не пользоваться. Правда порой в кошмарных снах девушка опять оказывалась там, в той ужасающей ловушке, и никто не мог помочь ей выбраться, как она не просила. Просыпаясь в поту и слезах, Майя быстро включала свет и спешила достать одну из своих любимых книжек с яркими веселыми картинками. Они успокаивали ее, позволяя снова расслабиться и попытаться уснуть. Так было с самого детства и продолжалось до сих пор. При этом Майя никогда никого не будила. Ей казалось очень важным самой разобраться со своими страхами. Мама знала об этом и частенько оставляла на прикроватной тумбочке дочери несколько сказок на всякий случай. А иногда, неожиданно проснувшись среди ночи, осторожно прокрадывалась в ее комнату и проверяла, все ли в порядке.

Майя почти научилась не бояться. И вот сейчас она снова взаперти. Только не известно, закончится ли все так же благополучно, как в прошлый раз.

Слабое свечение неожиданно возникло на стене напротив кровати и отвлекло Майю от этих мыслей. Девушка резко вскочила и в два прыжка оказалась рядом с мерцающей поверхностью. Вокруг легкими вибрациями расходилось тепло. Майя пригнулась поближе и уставилась в странное подобие зеркала. Небольшой

квадрат стены на глазах покрывался глянцем, нечетко отражая все, находившееся в комнате. Вдруг Майя резко отпрянула. Там, где только что на нее смотрели собственные глаза, теперь проявлялся другой профиль. Очертания маленького детского лица неторопливо вырисовывались на блестящей поверхности. Контуры размыты, но глаза – все четче и четче.

Вот уже проступило изображение всей головы. Маленькая девочка со стены с возрастающим интересом, смешанным с испугом, смотрела на незнакомку, словно тоже никак не ожидала увидеть ее здесь. Она что-то беззвучно проговорила и, как показалось Майе, попыталась дотронуться до гладкой поверхности. При этом раздался глухой треск, а девочка сразу отдёрнула руку.

Тут же со всех сторон на стенах стали возникать новые окошки, зеркально отображающие первое. На Майю теперь смотрело не меньше десятка одинаковых девочек, старающихся дотянуться до нее. Словно постоянно проигрывалась некая запись.

Потом девочка заплакала, и ее глаза, по-детски широко распахнутые, кажущиеся огромными на маленьком худеньком личике, словно стали еще больше. Теперь она укоризненно смотрела на Майю и часто всхлипывала, слезы не переставая катились по щекам.

Этого оказалось достаточно, чтобы окончательно вывести Майю из равновесия. Она побледнела и замерла в немом крике. Руки непроизвольно сжались и потянулись вперед. Убрать, прикрыть эти глаза, пристально смотрящие прямо на нее.

Больше не в силах пошевелиться, Майя крепко зажмурилась. В голове не осталось ни одной разумной мысли, кроме непрестанной мольбы: «Скорей бы проснуться. Пусть все это закончится»!

Она так и застыла, скрючившись в согбенной позе посреди комнаты. В висках стучало.

«Кто это там в стене? Не знаю… Я… Не может быть»!

Через некоторое время Майя почувствовала, как напряжение стало спадать. Она открыла глаза и боязливо осмотрела стены. Поверхности снова были холодными

и пустыми. Лица исчезли.

Майя облегченно выдохнула. Колени подкосились, и она осела на пол. Зубы громко и неприятно стучали. Она и сама не понимала, чего так испугалась, но панический страх все еще сжимал каждую мышцу, а дыхание скачками вырывалось из груди вместе с хрипами.

«Что это было! Может быть, я начинаю сходить с ума»?

Захотелось тепла, и Майя завернулась в одеяло. Но на кровать перемещаться не стала, устроилась прямо на полу. Она никак не могла унять дрожь и куталась в легкую ткань до тех пор, пока не стало душно.

«Хочу домой», – вяло подумала девушка, перед тем, как погрузится в глубокий сон.

ГЛАВА 6

Новый мир – как отражение забытых снов

Человек в больших ботинках вошел в небольшую круговую комнату, находящуюся в самой высокой башне дворца. Несмотря на размеры, комната была очень уютной: в камине весело потрескивал огонь, отбрасывая на каменные стены теплые золотые блики; высокие деревянные полки были забиты толстыми книгами в кожаных переплетах; огромное старинное кресло, обитое красным, вытертым от времени бархатом, стояло близко к огню, оно так и звало присесть, погреться.

Это была его любимая комната, его пристанище. Только здесь всегда было тепло, а почти домашняя атмосфера мягко окутывала, умиротворяла. Сколько он просидел в мягком кресле, размышляя, вспоминая, временами почти впадая в отчаянье.

Отвлёкшись от грустных мыслей, он с интересом посмотрел наверх.

На каминной полке стояла картина в простой самодельной деревянной раме. Она резко отличалась от тех, что висели внизу в галерее. На ней явно детской рукой на фоне яркого солнечного дня было изображено несколько неказистых фигур, держащихся за руки. Под каждой стояла подпись. Человек подошел ближе, поднялся на цыпочки и взял картину в руки. Указательным пальцем он прикоснулся к солнцу, по которому так давно и безнадежно скучал, спустился вниз по его лучам и осторожно дотронулся до центральной фигуры, изображавшей молодого улыбающегося мужчину в большой зеленой шляпе. Под ним стояла надпись, старательно выведенная красивыми печатными буквами: «АЛЕКСАНДР ЛИСТ – ПРОФЕССОР ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТИК».

Александр… так его когда-то звали. Зеленая шляпа, до странности похожая на настоящий лист лопуха, помнится, осталась там, в другом времени.

Другие фигуры, чуть поменьше, кружились вокруг его, центральной, как бы пританцовывая.

«Да, так и было, когда она рисовала эту картину, мы играли в саду», – он помнил тот день, словно все было только вчера. – Профессор Зеленый Листик… Я уже почти забыл, как это звучит».

– Спасибо. Сегодня особенно чудесная картина, – негромко произнес тот, кого когда-то звали Александром, сам не зная, кому направлена его благодарность.

Он уже привык, что картины на каминной полке каждый раз менялись. В зависимости от настроения хозяина, комната всегда выставляла что-нибудь особенное.

Тихо напевая под нос полузабытую мелодию, человек поставил картину на место и снова опустился в кресло. Глубокая морщина прорезала его лоб. Впервые за очень долгое время он не знал, что делать.

Мысленно, Александр снова перенесся в то далекое время, когда оказался здесь много лет назад. Удивительно, но с каждым разом сделать это удавалось все легче. А ведь когда-то в том потаенном уголке сознания, где обычно хранятся самые дорогие сердцу воспоминания, у него зияла огромная дыра, заполнить

которую не было никакой возможности.

Как ни странно, беспощадное время – неподкупный жнец посеянных нами деяний – на этот раз оказалось удивительно щедрым, сделав ему, без сомнения, самый дорогой в жизни подарок – вернуло еще одну потерянную частичку души. Правда, иногда, сидя у огня в ночной тишине, Александр все еще пытался разрешить нескончаемый внутренний спор: не является ли этот дар еще большим наказанием, чем забвение.

В первый раз, переступив порог этой комнаты, он был в отчаянье. Одинокий, всеми покинутый, почти обезумевший. Ничего не понимая и не представляя, что делать дальше, но точно уверенный в одном – путь домой закрыт навсегда.

Он сильно замерз, бесцельно путешествуя по пустым улицам, пытаясь отыскать хоть кого-нибудь, пока не обнаружил, что остался совсем один. Человек заглянул во все дома, постучал в каждую дверь. Никого. Только тишина.

Возникший было вначале интерес, скоро пропал, угасший под напором унылой серости и однообразия. Усталый, в конец, переполненный тоской и безнадежностью, он, позабыв даже про свою боязнь высоты, забрался на самый верх, в башню, чтобы осмотреть сверху свои новые «владения».

Перед ним расстилался удивительный город, но до крайности сумрачный и совершенно недружественно настроенный. Густой туман расползался от горизонта, съедая концы улиц. Казалось, город парит в нем, а за его пределами не существует больше ничего – дальше только пустота.

Возможно, человек по имени Александр сам создал свою тюрьму, посадил себя в нее и выбросил ключи от замка. Но он этого пока не знал.

«Ты же не хотел назад? – он успокаивал себя, как мог, с замирающим от страха сердцем осматривая окрестности. – Теперь ты свободен».

Свобода – это слово оказалось очень горьким на вкус.

Движимый надеждой, Александр обследовал каждое строение в опустевшем городе, но не нашел внутри нечего интересного.

В таинственно покинутых домах все осталось нетронутым, но там было неуютно находиться: простая деревянная мебель уже покрылась толстым слоем пыли, на столах, украшенных расшитыми салфетками, осталась чистая посуда, расставленная к обеду, а кровати, застеленные плотными лоскутными покрывалами, промерзли насквозь. В каменных кладовых висели лишь голые железные крюки для колбас, да ровными стопками высились аккуратно сложенные пустые продуктовые мешки.

Через некоторое время Александр понял, что город вместе с его единственным жителем переместился на тот уровень, где необходимость в пище отсутствовала. Однако это не касалось потребности в тепле.

Сначала холод никак не удавалось победить. Он проникал под кожу, заставлял ныть кости. Ничто не помогало согреться. Александру казалось, выгляни солнце хотя бы на миг, он расплачется от счастья. Он мечтал о тепле, грезил о нем часами. Много дней ему потребовалось, чтобы хоть немного привыкнуть к вечному туману и осенней слякоти. И все это время он словно парил в пространстве – был везде и одновременно не был нигде.

– Найти бы место, в котором можно было бы укрыться, наконец, от этой постоянной сырости, – думал Александр, в который раз обходя дворец. – Должен же хоть когда-нибудь наступить конец этому кошмару!

Однажды спускаясь с башни, он обнаружил в нише неприметную дверь, которая вела в небольшую комнату с высоким стрельчатым потолком. На пороге человек замер, пораженный внезапной радостью – в этом помещении пылал камин, распространяя вокруг живительное тепло и покой, а деревянные массивные полки вдоль стен были заполнены книгами. В тот миг человек впервые за долгое время испытал чувство, похожее, на радость.

С тех пор прошло очень много дней, но камин Александр топил, не переставая – дрова исправно появлялись возле решетки каждое утро.

В комнате нашлось все необходимое – удобное кресло, большой письменный стол, а в углу располагалась широкая мягкая кровать под старинным балдахином. Но самое главное – книги.

Здесь обнаружилось множество книг по философии, естественным наукам, истории и даже астрономии. Жаль только, что звезды крайне редко проглядывались в небе из-за постоянного сырого тумана.

Особенно интересными оказались книги по истории города до его запустения. Правда, язык, на котором они были написаны, не всегда был понятен, иногда требовался перевод. И бывший учитель, отыскав на верхних полках изрядное количество словарей, с упоением принялся за работу. Она не давала ему погрузиться в отчаянье, спасала от одиночества.

Комната стала его другом, убежищем, ласковым приютом среди бесконечного холода.

Александр всегда мечтал проводить настоящие исследования, и теперь у него появилась такая возможность. Целыми днями он просиживал над старинными рукописями, изучая незнакомые письмена. Скоро пол вокруг кресла устилали обрывки переводов, раскрытые словари и разбросанные вокруг перья – к его великой радости в резном шкафчике возле камина находился большой запас письменных принадлежностей.

Александра ужасно огорчало то, что его работу никто никогда не увидит и не прочитает, а все исследования напрасны. Но упорный труд хорошо отвлекал от тоски по дому и грустных мыслей.

В какой-то момент Александр вообще перестал выходить на улицу. Время незаметно утекало сквозь пальцы. Он давно потерял счет дням в этом странном месте, где солнце никогда не поднималось выше линии горизонта. И только глухими черными ночами ему, как будто в утешение, снился искрящийся радостный рассвет.

На каминной полке тогда стояла картина, изображающая город таким, каким он был первоначально – ярким и прекрасным. Эта картина нравилась ему, напоминала о том, что когда-то и здесь возможно царили гармония и счастье. Сочные краски и крупные широкие мазки навевали странное ощущение узнавания и уютного домашнего комфорта. И Александр заочно подружился с неведомым художником.

Иногда он поднимался и подходил к окну, проверяя, не изменилось ли что-нибудь. Но солнце все так же находилось за гранью тумана, а ночь и день смешались в густых осенних сумерках.

Так продолжалось довольно долго. Пока однажды он не заметил нечто необычное.

Александр мирно дремал в своем кресле, как вдруг неожиданный шум привлек его внимание. Резко подскочив, еще не понимая в чем дело, он метнулся к окну.

На улице явно что-то изменилось. Привычная неподвижность воздуха исчезла. Мелкие сухие листья кружились вокруг пустых скамеек. Пронзающий холод слегка ослабел.

Неуклюже зашнуровав свои огромные ботинки, взволнованный Александр поспешил вниз. Перед коваными дубовыми дверями он на мгновение замер, но потом смело толкнулся руками вперед. Они даже не пошевелились – его сил не хватало, чтобы сдвинуть их с места.

«Как же так, – на миг им овладела паника, – что же мне теперь делать. Неужели я теперь никогда не смогу выйти отсюда»!

Он толкал и пинал двери до тех пор, пока не обессилел. Потом, беспомощно всхлипнув, сел на пол. Губы зашевелились в безмолвной просьбе. Но постепенно тихий, сиплый от долгого молчания голос становился все громче.

В звенящей тишине гулко раздавалось:

«Откройся… ну же… ну пожалуйста, откройся…».

Александр все повторял и повторял эти слова, сначала шепотом, потом все громче и громче. И эхо торопливо разносило их далеко ввысь, вдоль каменных сводов.

Некоторое время спустя, он замолчал, закрыл глаза и обреченно замер.

Вдруг тишину прорезал жуткий скрежет. И массивные двери, словно вняв его мольбам, стали медленно отворяться.

ГЛАВА 7

Настоящее волшебство недоказуемо

Ноги затекли и замерзли. Дина уже довольно долго ждала, когда же начнется звездопад. Но ни одна, даже самая маленькая звездочка не трогалась с места.

«А вдруг дедушка ошибся, – в отчаянии подумала девочка, – вдруг сегодня ничего не произойдет».

Ей было просто необходимо загадать свое желание.

Дина подумала о своем любимом учителе – Александре Листе. Когда они гуляли в саду после уроков, она рассказала ему про сегодняшнюю ночь, про звездопад. Он внимательно выслушал ее и серьезно попросил загадать что-нибудь хорошее и для него, так как сам вряд ли удостоится увидеть падение волшебной звезды. Дина пообещала, что обязательно выполнит эту просьбу.

Они часто разговаривали обо всем самом необыкновенном и интересном, что есть на свете, и Дине было почти также весело со своим учителем, как с дедушкой. Правда, Александр скорее уводил ее от волшебного к естественному и даже научному, стараясь заставить взглянуть на мир более взрослыми глазами.

Дина часто сравнивала их долгие беседы о природе, истории или географии со сказками дедушки и находила, что они не менее интересны и познавательны. Мысленно, она сплетала одно с другим и получала удивительные результаты. Так, например, после изучения средневековых войн, она переместила в свою самую любимую дедушкину сказку сразу несколько новых персонажей – мудрого герольда, доброго виллана, и, конечно же, храброго рыцаря. Вместе они

сражались с огромными огнедышащими драконами. Причем у рыцаря был прекрасный крылатый конь, которого Дина не удержалась и позаимствовала из мифов древней Греции, решив, что не испортит, а только украсит историю. К той сказке у нее получились замечательные рисунки. Дедушка пришел в полнейший восторг и предрек, что, если она и дальше будет так стараться, из нее получится настоящий художник. Даже учитель ничем не выдал своего удивления, увидев бравого рыцаря в сверкающих доспехах летящим на белокрылом коне с оголенным мечом прямо на огромного красного дракона. Но он вообще был замечательным, очень тактичным и чутким. Дина просто обожала его.

Александр Лист был тихим, мечтательным, однако совсем не глупым человеком. Будучи талантливым педагогом, он умел заинтересовать и незаметно направить интересы ребенка по верному руслу. Дети, да и все жители города, определенно любили его. Он тоже по-своему отвечал им взаимностью.

Ему нравилась размеренная сельская жизнь со всеми ее спокойными радостями. Но иногда душу охватывала необъяснимая тоска. Он чувствовал себя потерянным, оторванным от чего-то большого и важного. Внутри образовывалась пустота, которую ничто не могло заполнить – ни занятия, ни книги, ни веселые разговоры. Тогда он уходил на длительные прогулки, пытаясь отойти как можно дальше от людей. Там, в тишине лесной чащи или на заболоченном берегу неглубокой речушки Александр долго бродил в одиночестве, искал ответы, и не находил. Все вокруг было прекрасно. Природа, словно ласковая мать щедро делилась с ним теплом и заботой. Но он стремился к чему-то неопределенно большему, к затерянной частичке своей души, призывающей его из глубин сознания.

Больше всего на свете учитель любил книги. Еще в далеком детстве они открывали для него окно в прекрасный незнакомый мир, абсолютно непохожий на его собственный. Жизнь там протекала в ином русле – люди делали удивительные открытия, путешествовали по закрытым землям, подвергались гонениям или достигали вершин мастерства – в общем, она била через край, не оставляя места для тоски и недовольства.

«Удастся ли мне когда-нибудь узнать, какого это – стоять у истоков неведомого, или это все самообман или еще хуже – гордыня? – иногда размышлял он долгими вечерами, сидя перед своим домом на самодельной деревянной скамейке. – В конце концов, моя жизнь гармонична и хорошо выстроена, мне не на что

жаловаться. И все же…»

В своих мечтах Александр представлял себя то великим путешественником, то ученым или даже простым летописцем. Да-да, вести описание великих событий, быть непосредственным участником или просто очевидцем, чтобы иметь возможность правдиво перенести все на бумагу, оставить свой след потомкам – благословенная доля. Здесь, как правило, Александр останавливался и горько вздыхал, ведь что мог он написать о жизни маленького городка – точки, затерянной на карте, где уже давным-давно не происходило ничего заслуживающего внимание.

В своей дружбе с Диной учитель нашел для себя отдушину, утешение. Удивительно добрая и открытая девочка своей чудной и чистой фантазией тоже в некотором смысле обучала его. Он слушал сказки ее дедушки, рассматривал рисунки из толстого, давно не закрывающегося альбома и замечал, как уходит прочь тоска, а ее место занимает умиротворение и довольство.

«Она живет там, в своих мечтах, – думал он. – И это прекрасно. Как бы и мне хотелось оказаться в ее чудесном мире, где даже для самого маленького и никчемного человечка найдется своя волшебная история. Но, в то же время, как страшно быть пойманным в ловушку подобных фантазий, когда никак не можешь найти выход просто потому, что забыл, что грезишь».

Когда девочка рассказала ему про звездный праздник, он не стал смеяться или отговаривать ее. Все это конечно детские сказки, но ему всегда казалось очень важным, чтобы она как можно дольше не теряла этого прекрасного чувства внутреннего волшебства.

Слушая Дину, Александр так живо представил, как она сядет возле окна и станет мечтательно рассматривать звездное небо в томительном ожидании, что ему и самому захотелось обрести ее непоколебимую детскую веру, усесться рядом и вместе ждать появления маленького чуда.

Дина и впрямь твердо решила дождаться обещанного звездопада. Она готовилась к этому событию целый день: с утра сбегала к дедушке, чтобы еще раз уточнить детали, после обеда поспала несколько часов, потом погуляла с малышкой Софией, а вечером после ужина быстренько помогла маме прибраться и сразу ускользнула в свою комнату, ждать, когда все затихнет и начнется

праздник. От нетерпения у нее подрагивали колени.

И вот, наконец-то, мама погасила последнюю лампу в гостиной и, проверив все окна и двери на первом этаже, поднялась наверх, чуть слышно ступая по обитым мягким ковром ступенькам.

Заглянув к Дине, она увидела, что дочь еще не спит.

– Милая, тебе уже давно пора в кровать.

– Мам, пожалуйста, можно я еще чуть-чуть посижу и почитаю? – у Дины в руках была зажата большая книга сказок, которую она действительно читала, чтобы скоротать время до ночи.

– Ну хорошо, – вздохнув сказала мама. Она знала, что Дина очень разумный, но слишком свободолюбивый ребенок, и поэтому не хотела чрезмерно ее ограничивать, чтобы не давать повода к бунту. – Но только одну сказку! А потом спать.

– Спасибо, – девочка вскочила и порывисто обняла мать. – Спокойной ночи!

– Приятных снов, дорогая.

Вскоре все в доме окончательно улеглись. Особняк погрузился во мрак, как и остальные дома в округе.

Дина тихонько залезла на подоконник и уселась поудобнее. Теперь ничто не мешало и не перекрывало сияния ночного неба. Легкая тюль занавесок мягко легла ей на голову и плечи полупрозрачной струящейся мантией, сделав девочку похожей на сказочную принцессу. Так стало значительно уютней и теплей. Вокруг тихо и спокойно. Все замерло, ожидая вместе с ней.

Небо уже было усеяло множеством звезд, но ни одна не желала падать. Они праздничными гирляндами переливались во тьме, словно перемигиваясь друг с другом, ведя веселую ночную беседу. Дина обхватила колени руками, и, упершись в них подбородком, наблюдала за ними. Она нашла все знакомые созвездия и теперь развлекалась, придумывая новые.

«А что, из этого скопления получилось бы неплохое созвездие, ну, например, колодец, – размышляла Дина, – или коромысло. Очень похоже».

Вдруг темноту пронзила яркая вспышка – большая сияющая звезда стремительно пронеслась по небу и исчезла за горизонтом. Дина радостно вскрикнула и, не теряя ни секунды, шепотом произнесла свое самое сокровенное желание. Потом она быстро слезла с подоконника, прикрыла окно и юркнула в кровать. Восторг переполол ее. Через несколько минут девочка уже спала крепким сном.

Ей снилось огромное, залитое солнцем поле, усеянное маленькими нежными ромашками. Они словно бы переливались на свету; свет проходил сквозь тонкие лепестки их и мягко ложился на густую молодую траву. Она стояла посреди, широко раскинув руки, и смеялась. Все было настолько прекрасно, как в сказке – ярко-голубое небо, разлитое от края до края поля, и больше ничего, только полная свобода.

Свобода! С этим словом она проснулась, осмотрелась по сторонам и, ничуть не удивившись прекрасной солнечной погоде, радостно вскочила навстречу приключениям.

ГЛАВА 8

Истинный дом строится в сердце

Утро вошло в дом, радостное и чистое, совсем как тогда, много лет назад. Солнечные лучи заструились между занавесками, проскользнули на кровать и осветили лежащую на ней фигуру. Пожилая дама все еще спала, но на ее лице уже не осталось следов ночных тревог и волнений – глубокие горестные морщины почти разгладились под целительным воздействием утреннего покоя. Он заполнил комнату и смог легкой рукой коснуться самого сердца.

Нежная девичья комната теперь была доверху залита солнечным светом. Несмотря на долгую череду странствий, здесь все осталось по-прежнему. Прошедшие годы практически не коснулись ни убранства, ни сущности комнаты, лишь добавили несколько взрослых атрибутов: красивые стеклянные флакончики на туалетный столик, да модную шляпку с перчатками на комод – Дина не любила собирать вокруг себя слишком много вещей, предпочитая и жить, и путешествовать налегке. Однако, вернувшись домой, она не спешила избавляться от своих детских безделушек и поделок – они придавали ее обиталищу то непередаваемое очарование юности и беззаботности, которое так роднит души художников и детей.

Казалось, маленькая хозяйка только что выскочила за порог и вот-вот вернется, чтобы начать новую игру. И окружающая атмосфера как нельзя лучше способствовала укоренению этого ощущения: коробочки с красками и цветными карандашами теснились на столике возле окна, в изголовье кровати разбросаны подушки в ярких расшитых наволочках, на стенах немного хаотично развешены зеркала разных размеров и форм. Дине очень нравилось, как в них отражается все происходящее вокруг, как обрывки голубого неба, яркой зелени, фигур мимолетных прохожих сплетаются в особую картину и преображают ее маленькую уютную комнату в сказочную иллюстрацию. Она часто перевешивала свои зеркала, меняла их наклон, стараясь поймать то больше неба, то огненную красоту осеннего сада. Часто девочка садилась напротив окна и просто наблюдала за сменой декораций на стенах. Так рождались лучшие сюжеты ее будущих произведений.

Дина выросла и стала-таки художником-иллюстратором. Все жизнь она занималась любимым делом, находясь в постоянном поиске новых сюжетов, совершенствуя свое мастерство. Из-под ее руки вышло огромное количество чудесных рисунков, приводящих в восторг как малышей, так и взрослых.

Она много путешествовала, подолгу жила в разных странах, переходя из одной культуры в другую, смело их перемешивая. Неизменной осталась лишь ее любовь к рисованию. И вот теперь, когда годы взяли свое, Дина снова вернулась домой, туда, где все начиналось. Этой пожилой женщине с удивительными чистыми глазами ребенка, захотелось уже остановиться, а самое главное, узнать, наконец, завершилось ли то, другое путешествие, начатое так много лет назад. Вот что снова и снова мучило сначала маленькую девочку, а потом уже и взрослую девушку. Могла ли она помочь тогда?

Когда Дина открыла глаза, за окном давно расцвело. Это было так не похоже на нее, обычно, раннюю пташку, но прошедшая ночь оказалась слишком тяжелым испытанием. Она только порадовалась, что никто не стал ее будить. Удобнее устроившись среди подушек, Дина снова вспомнила свой сон.

Ей снился Город. Как давно это было, кажется, слишком давно, чтобы оставаться реальностью. Она звала его – своего друга и наставника, ночью ей снова удалось воскресить то чувство беспомощности и потери, совсем как в тот день.

Прошло столько лет, но ей до сих пор чудится иногда неестественно высокий голос, громко вскрикивающий от удивления и боли. Но это все, что у нее есть. Дина так и не смогла четко вспомнить, что же на самом деле произошло в знаменательный день после звездопада.

Она подумала о том, что, несмотря на промелькнувшие годы, все осталось по-прежнему: старый дом так же ревностно хранит свои секреты, загадочно шумит по ночам, хлопает дверьми и словно бы играет со своими хозяевами. Только София как всегда ничего не замечает. Она живет спокойной и размеренной жизнью. Ухаживает за садом, готовит вкусные обеды и ужины для своего мужа, занимается домом и иногда пишет скучные короткие письма родителям и сестре. Она всегда надежно укрыта в своей раковине и не желает показываться наружу.

Правда, в последнее время и София против воли стала подмечать кое-что необычное. И эти открытия ее совсем не обрадовали.

С приездом Дины обстановка в доме неуловимо изменилась. И делать вид, что это просто ветер гуляет на чердаке или переворачивает бельевые корзины в подвале, становится все труднее даже для такой разумной женщины, как Софи. Ей, всегда такой собранной и невозмутимой, теперь стало постоянно что-то мерещиться, дом будто тихо дремал все эти годы, ожидая, когда же его снова разбудят неведомые силы. Или, может быть, Дина сама, словно мощный катализатор, привела в действие, казалось бы, уже насквозь проржавевшее колесо судьбы.

София всегда любила свой дом. Для нее, реалистки, начисто лишенной фантазии, он олицетворял стабильность и покой, а также некую сентиментальную память о добрых днях детства. Поэтому, когда родители и

младшая сестра решили переехать, ей виделось абсолютно правильным продолжать жить здесь теперь уже вместе с мужем. София хорошо понимала, что сестра никогда не захочет сюда вернуться, хотя и считала ее прошлые страхи лишь игрой воображения. Дине же, оставившей родной город, когда девочки были совсем маленькими и вернувшейся домой лишь несколько месяцев назад, она никогда ни о чем не рассказывала.

И вот теперь, Софии стало казаться, что тогда в детстве ее маленькая сестрёнка придумала далеко не все. Иногда она была готова поклясться, что слышит негромкое пение на чердаке, топот грубых башмаков, а временами ощущает жуткий холод.

Она вспомнила, как сестра будила ее по ночам, просила согреть или жалобно умоляла перестать топать и не пугать еще больше. София, и сама никогда не отличавшаяся особой храбростью, терпеть не могла, когда ее поднимают среди ночи. После этого она обычно долго не могла заснуть, растревоженная не столько жалобами сестры, сколько собственными страхами, почерпнутыми из готических рассказов, найденных однажды у бабушки. Разозленная и немного напуганная, София выгоняла малышку из своей комнаты, а утром, стараясь скрыть проявленную слабость, жестко отчитывала ее и жаловалась маме. Тогда ей вправду казалось, что сестра все придумывает и, либо просто издевается, либо слишком много фантазирует перед сном.

«Почему же я раньше никогда ничего не чувствовала»? – думала София.

Женщина стала бояться оставаться одной. Постепенно дом перестал быть ее крепостью – он становился темницей, пугающей и опасной. Однако даже на улице ей подчас было не легче. Тревога плотным кольцом все сильнее сжималась вокруг нее, заставляя чувствовать себя неимоверно усталой и больной.

«Может быть, я схожу с ума? – в отчаянии думала София. – Нет. Я определённо не сумасшедшая. Это просто что-то с нервами, скоро пройдет».

Но ничего не проходило. Становилось только хуже. Когда она осторожно расспросила мужа, тот очень удивился, потому что ничего не видел и не слышал. Со временем Дмитрий заметил, какой нервной стала София, как трудно ей скрыть нечто очень похожее на страх, когда он сообщает ей, что вечером

задержится на работе. И даже замечательная тетя Дина была не в силах разрядить обстановку в доме.

Дмитрий хорошо помнил, что, когда она вернулась, София очень обрадовалась. Ему, как любому мужчине, не всегда удавалось до конца понять свою жену, поэтому присутствие в доме еще одной женщины, приятной, умной и к тому же совершенно не капризной, виделось ему большим благом. Спокойная и доброжелательная Дина быстро вписалась в их уютную домашнюю компанию. Она по-прежнему много рисовала, часами, не зная усталости, гуляла по окрестностям, вспоминая свою юность, а главное – никогда не вмешивалась в дела Софии, чем полностью ее покорила.

Поселилась Дина в своей бывшей комнате на втором этаже, и они с племянницей частенько сидели там, перебирая старые фотографии, вещи из прошлого или просто разговаривая обо всем на свете.

Дни текли мирно и спокойно. Вечерами вся троица собиралась за ужином, как правило, заканчивающимся воспоминаниями, рассказами о путешествиях Дины или обсуждением обыденных тем. Им было комфортно друг с другом. Жизнь легко и быстро несла вперед свои бурные воды.

И все было бы замечательно, если бы София то и дело не вскакивала с места, прислушиваясь к тихим шорохам, не ворочалась беспокойно в кровати по ночам и не пугалась даже собственной тени. Эта ее новая манера поведения все сильнее беспокоила Дмитрия. Он чувствовал, что проблема прячется совсем рядом, но никак не мог понять, чем может помочь. В конце концов, жена призналась, что стала бояться оставаться одной, и никак не может избавиться от постоянного ощущения чьего-то присутствия в комнатах. Она устала, издергалась, и никак не могла разгадать причины своих страхов, что мучило ее еще больше.

Единственный выход состоял в том, чтобы сменить обстановку, возможно, продать дом и переехать в другое место подальше отсюда, болезненно и резко оборвав все нити. Сложно, но вполне осуществимо. Тем более что Дмитрию недавно предложили хорошую работу в соседнем городке. Сначала он не хотел соглашаться, не желая покидать родные места, но, подумав о Софии, решил принять приглашение.

«Подумай сама, все не так плохо. Мы переберемся поближе к твоим родителям, они ведь давно мечтали об этом», – уговаривал он Софию. – Этот дом конечно замечательный, но он уже слишком стар. Может быть, нам пора что-то изменить в своей жизни? В конце концов, мы же не на другую планету перебираемся».

К его удивлению, жена не стала спорить и легко согласилась на переезд. Правда, Дина очень расстроилась. Проведя столько лет в путешествиях, она легко свыкалась с переменами, но понимала, что ей будет жалко снова, теперь уже навсегда, расстаться с этим домом. Он и в годы странствий всегда, словно маяк оставался верным другом, непоколебимым, преданно ожидающим ее возвращения. А теперь им предстояла окончательная разлука. Но Дина не могла не заметить странного поведения племянницы, поэтому, поговорив с ней, решила пока не вмешиваться. Тем более, все ждали приезда Майи, пока незнакомой, но очень желанной гостьи.

ГЛАВА 9

Дорога домой – самый верный путь

Сны – странная штука. Никогда не знаешь, когда они переходят в мысли, мысли в мечтания, а мечтания в невозможную реальность, после которой не хочется просыпаться.

Майе снилась женщина, лежащая на широкой кровати. Ее голова казалась совсем маленькой среди пышных подушек. Она глубоко спала. И сон ее был тревожным, почти страшным. Крепко зажмуренные глаза, покрасневшие от волненья щеки, полу-приоткрытый рот – все говорило о том, что нужно срочно проснуться. Но она не просыпалась. И Майя знала почему – она сама была сейчас этой женщиной, сама корчилась в попытках освободиться, выбежать из этого странного места – ее сна, но никак не могла. Сквозь мирную картину ночной спальни к ней прорывались нечеткие изображения. От соприкосновения с ними Майя испытывала такую же боль, как тогда, когда увидела плачущие лица на стенах. Да, они поразили ее почти так же – нереальность, вызывающе похожая

на правду.

Во сне женщина одиноко стояла среди незнакомой улицы. Беспомощно оглядываясь по сторонам, она звала кого-то, еле шевеля бледными губами. Неожиданно налетел такой сильный ветер, что казалось, еще чуть-чуть, и он унесет ее… их за собой. Судорожно вцепившись в фонарный столб, они стояли, всеми силами пытаясь противостоять стихии.

Вдруг раздался резкий звук, скорее шипение и Майя проснулась. Она сразу поняла, что все еще не освободилась из своей тюрьмы, узнала по характерному для этого места духу – тревожному, затаившемуся. В комнате было темно и прохладно.

– Наверное, насупила ночь. Значит, прошел целый день с тех пор как я здесь оказалась.

Майя потянулась на полу, вздрогнув от боли в затекших мышцах, и начала осторожно распрямляться, одновременно разминая руки и ноги. Несколько минут она ходила вдоль стены, выполняя простейшие упражнения. Неприятные ощущения и скованность медленно отступали.

Наконец Майя остановилась и невидящим взглядом обвела комнату, словно пытаясь разогнать мрак, но у нее ничего не вышло.

Страха не было, лишь усталость. В такой черноте оставалось только попытаться снова уснуть. Подняв одеяло, девушка решила переместиться на кровать, решив, что хуже не будет, а вот удобнее станет точно. Найти ее вслепую не составило особого труда – здесь было слишком мало места, особо не разгуляешься.

Она широко открыла глаза и долго лежала, смело вглядываясь в темноту. Темнота тоже разглядывала ее. И обе они молча наблюдали друг за другом, словно играли в старую детскую игру.

Лица женщины из сна Майя не запомнила, однако, была уверена, что знает ее, или видела раньше.

Майя в который раз задумалась о том, как и почему она оказалась здесь, в этой странной комнате, будто бы находящейся Нигде, а самое главное – когда же она сможет выбраться отсюда.

«Интересно, меня кто-нибудь станет искать?»

Но она сразу отмела эту мысль. По крайней мере, несколько дней ее никто не хватится. Выяснить бы, где она находится. Вот только как?

Совсем недавно Майя прибыла в маленький город, в котором когда-то жили ее родители.

Сначала девушка получила письмо от тети. Та просила ее приехать, чтобы обсудить судьбу большого старинного дома, наследницами которого они обе являлись. Тетя собиралась уехать из города и поселиться поближе к своим родителям, а особняк предлагала продать. Но для этого требовалось присутствие всех заинтересованных сторон.

Майя никогда не видела ни тети, ни дома. Она даже ни разу не была в этом городе. И, конечно, очень удивилась, узнав о наследстве. Позже выяснилось, что ее мать отказалась от своей доли в пользу будущих детей. Это было еще до рождения Майи.

– Но почему, мама? – удивленно спросила Майя.

Они сидели на кухне, и пили чай. Распечатанное письмо тети лежало на столе между ними. Яркие солнечные блики заходящего солнца легко проникали через незанавешенное окно и оставляли на белой бумаге золотисто-алые всполохи, словно разукрашивая ее причудливыми фигурами и символами.

– Знаешь, мне никогда не нравился тот дом, – мама задумчиво размешивала сахар в большой керамической чашке-слонике. – Я не хотела быть связанной с ним. В детстве по ночам мне часто слышались тихие шорохи, скрежет, они мешали спать, пугали. Видишь, какая я жуткая трусиха, хотя и любопытная без меры, – мама взяла печенье из граненой вазочки, рассеянно посмотрела на него, и, так и не донеся до рта, продолжила. – А поначалу, помню, я вообще ничего не боялась. Вечно лазила, куда не следует. Сидела до посинения на чердаке, перебирала старые вещи, книги и игрушки, делала тайники. В общем, проводила

собственные исследования, словно тренировалась перед встречей с твоим отцом. Меня искали по всему дому и окрестностям, а я сидела там и посмеивалась. Никому и в голову не приходило посмотреть наверху – там же темно и страшно. Но мне было так интересно. Это делало меня особенной и могущественной в собственных глазах. Знаешь, я даже Софии ничего не рассказывала. Это до сих пор моя тайна.

– Мамочка! Я всегда знала, что ты была тем еще ангелочком, – засмеялась Майя. – А что интересного ты там обнаружила, помнишь?

– Да! Не все, конечно, но многое. Там была одна книга, про дракона, ее я особенно любила. Красивая и необычная. Я много времени провела, разглядывая и запоминая ее картинки, – она замолчала, размягченная так резко нахлынувшими чувствами. – Ты, наверное, не помнишь, но раньше у нас висел в рамочке небольшой рисунок – рыцарь, смотрящий вдаль. Так вот, должна открыть тебе страшную тайну – он из той самой книги! Я вырвала его оттуда и много лет бережно хранила.

– Быть такого не может! – Майя одновременно удивилась и еще больше развеселилась. – А папа знает? При его трепетном отношении к книгам и такое бесчинство!

– Да, понимаю и мне очень стыдно! – мама горестно вдохнула. – А папа, кстати, не знает. Он бы, наверное, не оценил, предложил бы забрать целую книгу. Но я так любила этого рыцаря, что просто не могла с ним расстаться. Поэтому, в одну из последних вылазок на чердак, я просто осторожно вырвала страницу и все. И не надо хмуриться, мне было всего восемь лет.

Майя снова рассмеялась, представив эту картину: полутемный чердак и маленькая девочка с умным личиком, сосредоточенно вырывающая страницу из старой книги.

– Да и ты, насколько я помню, тоже его любила. Он много лет путешествовал вместе с нами, пока однажды не потерялся при переезде вместе с половиной нашего скарба, помнишь. Тебе тогда было лет семь, и ты очень долго по нему горевала.

– Смутно, – Майя задумалась. – Мы ведь довольно часто переезжали и всегда что-то теряли, так что нам не привыкать.

– В тот раз было потеряно очень многое. Папа сильно ругался и даже ходил жаловаться, а ты знаешь, как трудно его разозлить.

– Да, это целый подвиг, который не каждому под силу. По-моему, я видела папу в гневе всего несколько раз в жизни: когда соседский мальчик ударил меня ногой в песочнице и поставил большущий синяк, и когда он, желая сделать тебе сюрприз на день рождения, чуть не спалил наш дом, пытаясь приготовить обед.

– Это была весьма поучительная история, которая наглядно показала, что некоторых высокоинтеллектуальных личностей не нужно подпускать к плите, впрочем, как и их дочерей, – мама выразительно посмотрела на Майю. – Так, что-то я потеряла нить разговора. О чем это мы говорили?

– О чердаке, о рыцаре, о книге, – Майя демонстративно потупилась, вспомнив, какое участие принимала в подготовке того пиршества.

– Да, книга. Жаль, что не заметила ни автора, ни названия… Ах, еще помню сундуки, огромные старинные. Я там прятала свои игрушки, чтобы София не нашла. Она была очень послушная уже взрослая девочка, на целых пять лет старше и на чердак не ходила, гордость не позволяла, – и мама по-детски ухмыльнулась, а потом сразу нахмурилась, словно обнаружила ошибку в тексте. – Там было много чего еще, всего и не вспомнишь.

– Но ты же не боялась играть на чердаке? – спросила Майя.

– Нет, тогда еще нет. Страх пришел позднее. Точно не знаю, когда, – ей явно не хотелось об этом говорить. – Это все, конечно, глупости, девчоночьи выдумки, но меня до сих пор пробирает дрожь, как вспомню те ночи, когда не могла заснуть из-за странных шумов. Душа уходила в пятки, так я боялась. Поэтому, несмотря ни на что, дом оставил у меня не самые радостные воспоминая. Да и потом, зачем он мне, если мы с твоим отцом всегда планировали уехать, посмотреть мир. Никогда не хотела быть привязанной ни к одному месту на свете, только к людям, – мама ласково улыбнулась. – А сестра, сколько я ее помню, просто обожала наш особняк, мечтала обосноваться там, когда вырастет, уже со своей семьей. Свить родовое гнездо. Так и получилось. После ее замужества, родители

решили оставить ей дом и переехать, чтобы не мешать молодым. Родственники папы завещали ему небольшой участок земли в чудеснейшем местечке вдали от города, и они с мамой сразу согласились обосноваться там. Я прожила вместе с ними несколько лет, пока не встретила твоего отца. До сих пор вспоминаю с огромной радостью именно то время. Совершенное уединение и покой! Только лес, река и бескрайнее небо. Они до сих пор там живут и ни капли не сожалеют о переезде. Правда, добраться до них трудновато, особенно весной, когда вода разливается. Но это не страшно, ведь у них есть лодка, да и соседи живут недалеко. Папа всегда любил природу и тишину, так что они счастливы. Как и София. Каждый получил желаемое.

– А что же тетя София, она тоже боялась в детстве? – Майя обнаружила, что с тревогой наблюдает за тем, как уже ставшие багровыми всполохи тяжелыми мазками ложатся на бумагу. Ей вдруг захотелось прикрыть, защитить от них нежную белизну, и она убрала письмо в карман.

Мать, казалось, ничего не заметила. Она рассеянно смотрела в окно, наблюдая за тем, как угасает еще один летний день.

– София? Нет, она никогда ничего не слышала, и все время смеялась надо мной или злилась. Правда, дорогая, не забывай, что Софи старше, а я для нее была сущим наказанием в детстве. Иногда мне кажется, что она специально пугала меня, шутила. Но тогда мне было не до смеха, – мама замолчала, и снова принялась помешивать чай. – А потом все неожиданно прекратилось. Может, мы просто окончательно выросли, и ей надоела эта игра. Но я почему-то всегда считала, что дело было именно в доме. Поэтому я отказалась от своей доли, и передала ее будущим детям, то есть тебе, в тайне надеясь, что она нам никогда не потребуется, и Софи всегда будет спокойно жить там.

– А почему мы никогда не ездили в гости ни к ней, ни к бабушке с дедушкой? Да и они к нам тоже.

– Софи истинная домоседка и терпеть не может путешествовать. Никак не возьму в толк, с чего бы ей сейчас переезжать. Когда мы виделись в последний раз, она была полна решимости всю жизнь прожить там, где родилась. Ее все устаивало, не то, что меня. Никогда не была домашней девочкой, мечтала путешествовать, уехать и никогда не возвращаться, совсем как тетя Дина. У нас с ней вообще много общего – мы обе, как это говорится – метущиеся натуры. Ты, наверное, совсем ее не помнишь.

– Нет. Помню только чудесные книги, которые она мне присылала.

– Жаль. Она приезжала к нам несколько раз, когда ты была совсем маленькой. К сожалению, мы очень давно не виделись. Даже не знаю, где она сейчас. Мы все как будто пытаемся наперегонки промерить шагами земной шарик. София другая, ей хорошо и спокойно на одном месте. Впрочем, нашим родителям тоже. Они прочно осели на своей земле, вросли с корнями, теперь и не вытащишь. Не то, что присутствующие здесь лица, – засмеялась мама. – Ты ведь знаешь, мы с твоим папой настоящие бродяги. В молодости ему, как истинному ученому все ни сиделось на месте, нужно было искать что-то новое, более интересное. Мы переезжали раз сто, наверное, – мама опять засмеялась. – Сколько раз ты меняла школу? В таком ритме трудно поддерживать связь с родными, особенно если они живут так далеко от тебя. Обычно мы с Софией писали друг другу длиннющие письма раз в несколько месяцев, но созванивались редко. А за последние годы совсем отдалились. Из меня получилась плохая младшая сестра.

– А муж Софии, Дмитрий кажется? Я помню его имя по праздничным открыткам.

– Она вышла замуж очень рано, но я считаю, удачно. Правда, детей у нее нет, зато Дмитрий – замечательный человек. Мы были знакомы с детства, часто вместе гуляли. Он всегда ее любил, – мама легко улыбнулась и, немного помолчав, добавила. – Я рада, что ты, наконец, познакомишься с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kovrigina_yuliya/lovushka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить